

Андрей Гуртовенко

Цельсиус

роман

Андрей Гуртовенко

Цельсиус

роман

Информация от издательства

18+

Художник

Валерий Калныньш

Гуртовенко, А.

Цельсиус : роман / Андрей Гуртовенко. — М. : Время, 2021 — (Интересное время).

ISBN 978-5-9691-2065-5

Снежная королева из сказки Андерсена, Смилла Ясперсен из знаменитого романа Питера Хёга... Похоже, среди женщин с очень специальными взаимоотношениями с холодом, снегом и льдом новое имя: Жанна Борген, высокомерная красавица с норвежскими корнями и архитектурным образованием. Она ездит на большой белой машине, в ее снах промерзшие, покрытые инеем стены. Она видит вокруг себя строгие геометрические паттерны и умеет превращать мужчин в неподвижных ледяных истуканов. Но однажды случается непредвиденное — Жанна влюбляется. В человека горячего настолько, что ледяные кристаллы у нее в груди вибрируют и плавятся от одного только его взгляда. И тогда она узнает про себя много такого, о чем никогда даже не подозревала...

Для тех, кто сомневается, эта книга — доказательство. Доказательство того, что настоящая любовь существует. Для всех остальных это роман-предостережение. О том, что любовь может быть опасна для жизни. И даже — несовместима с ней, и это не фигура речи.

© А. Гуртовенко, 2021

© «Время», 2021

ОН

Все пошло не так с самого утра.

Сначала наш самолет почти час не мог вылететь с Мальты, каждые десять минут преувеличенно бодрый голос пилота возникал в притихшем салоне и зачем-то делился с пассажирами все новыми и новыми подробностями возникших проблем. По прибытии же в Пулково выяснилось, что мой багаж закатил истерику во время регистрации и был высажен с рейса или — говоря суконным языком распечатанного в двух экземплярах заявления — утерян. Впрочем, заявлением дело не ограничилось, пришлось заполнять бесконечные бланки и описи под присмотром скорбящего вместе со мной представителя авиакомпании. И все это лишь для того, чтобы спустя сорок минут я шагнул в международный терминал Пулково ходячей иллюстрацией человека не от мира сего: телефон, ноутбук и дурацкая растерянная улыбка. И вот теперь я сидел напротив Хуторянского, многозначительного, одутловатого и мутного, который, позабыв про сестру таланта, растягивал наш с ним разговор до звенящих в ушах нехороших предчувствий. Многословное искусство ходить вокруг да около было сдобрено неплохим французским коньяком, которым худрук угощал посетителей в это время суток, но вместо привычного тепла каждый новый глоток почему-то отдавался во мне мурашками и ознобом. Приняв очередную порцию коньяка и высокохудожественного режиссерского словоблудия, я начал уже было размышлять над тем, сможет ли запущенный в стену бокал заставить заслуженного деятеля искусств перейти наконец к делу, как вдруг дверь в кабинет отворилась и на пороге возникла величественная фигура Оксаны Кочубеевой. Ведущая актриса театра

посмотрела на меня, на Хуторянского, покачала головой и, не извинившись, вышла из кабинета. И тут худрук стал вдруг лаконичным и болезненно прямолинейным:

— Ты извини меня, Никита, но пьеса твоя новая, — Хуторянский сделал нарочито драматизирующую паузу. — Пьеса твоя новая — говно.

Заныл шрам на шее под воротом свитера, пропал рукоплещущий зрительный зал вместе с низвергающимися на сцену потоками тепла, и я провалился, рухнул сквозь прогнившие театральные подмости в скучную, ничем не примечательную жизнь среднестатистического человечка. И уже оттуда, из выгребной ямы несбывшихся надежд и разрушенных наполеоновских планов, дослушивал необязательные объяснения худрука.

— Видишь ли, Никит, твоя первая пьеса так прогремела, что мы просто не имеем права обмануть ожидания зрителей. Да, публика, безусловно, повалит сейчас на любой спектакль с твоим именем на афише. Но новая пьеса у тебя откровенно не получилась, и лучше ее вообще не показывать — ты же не хочешь поставить крест на своей дальнейшей карьере, правда?

Хуторянский выжидающе замолчал, словно действительно ожидал от меня ответа. Словно, скажи я: «Да, именно этого я и хочу, Константин Николаевич, я хочу поставить большой жирный крест на своей карьере», он тотчас, без промедления приступил бы к постановке моей новой пьесы.

— И если честно, мне кажется, что ты чересчур торопишься. Загоняешь себя. Творец должен иметь возможность выдохнуть. Возможность сделать паузу. Я бы на твоём месте вообще прекратил на какое-то время писать. Занялся бы чем-нибудь совершенно другим, — худрук помедлил на мгновение, будто оценивал, достаточно ли уже сказанного. — Влюбился бы, наконец.

Ага, влюбишься тут с тобой... А про гонорар, я так понимаю, можно даже не заикаться — как бы меня вообще не заставили теперь аванс возвращать. Бедный Гришаня, сколько там я ему уже должен? Так недолго и по миру брата пустить.

Сидящий в стилизованном под трон кресле Хуторянский внимательно наблюдал за моей анемичной реакцией, его лицо покраснелось, но не равномерно, а какими-то пятнами, пунцовый чередовался с бледно-розовым, словно сочувствие к промахнувшемуся начинающему драматургу боролось в нем с монументальностью театрального титана.

— И помяни мое слово, Никита, когда-нибудь ты сам поймешь, насколько несовершенна эта твоя новая пьеса. Когда-нибудь ты еще скажешь мне спасибо...

— Зачем же тянуть, Константин Николаевич? — сказал я, поднимаясь на окоченевшие ватные ноги. — Спасибо я и так могу вам сказать. Прямо сейчас. Жаль только, что чемодан мой мальтийцы похерили, а то бы презентовал вам средиземноморской халвы из молотого миндаля. Чтобы в следующий раз у вас было чем подсластить пилюлю начинающему автору. Или нет, извиняюсь, не пилюлю, а — как вы там выразились? — говно.

Подготовка к вечернему представлению уже проступила испариной на бугристой лысине помрежа, он методично отлавливал снующих по этажу людей и короткими емкими фразами уточнял траектории их движения. Театральный механизм поскрипывал и вздыхал, то жалуясь на болезнь актеров из основного состава, то сетуя на непредвиденную поломку декораций и перегоревшие прожектора, но все, включая обитавшую в темном и пыльном закулисье кошку, прекрасно знали, что представление состоится при

любом раскладе: билеты на сегодняшний спектакль были распроданы еще две недели назад.

Я наблюдал за происходящим, сидя на широком, со следами признаний в любви и просроченных сплетен подоконнике, — посторонний, обманом проникший в святая святых профессионального лицедейства. Вуайерист-неудачник, вместо возбуждения способный испытывать сейчас только стыд и дезориентацию в пространстве обесцеленной жизни. Время от времени театральная суэта сгущалась знакомыми лицами, люди подходили ко мне, здоровались, хлопали по плечу, удивлялись моему загару, и это почему-то еще сильнее оттеняло мое недавнее фиаско в кабинете худрука.

Наконец уровень дофамина упал до минимума, маятник качнулся в обратную сторону, и я написал бесцветными чернилами из желчи и слез прямо на подоконнике: «Я, Никита Дашкевич, обманом втерся в доверие к художественному руководителю театра и под видом актуальной современной пьесы пытался протащить на легендарную сцену мутное унылое говно. Число, подпись». Затем мысленно поджег кабинет худрука вместе с его семидесятилетним обитателем, спрыгнул с подоконника и отправился искать Кристину.

В примерке Кристины не оказалось, в реквизитной — тоже, я уже достал было телефон, но передумал — пусть себе вживается в образ и ни о чем не волнуется: что-то, а плохие новости не прокиснут. Я прошел по коридору к выходу из здания и у самой лестницы опять наткнулся на Кочубееву. Оксана была уже загримирована для вечернего представления, от ее полного округлого лица с открытым лбом и зачесанными назад волосами исходило спокойное ровное тепло. Я непроизвольно замедлил шаг, прислушиваясь к незнакомым ноткам ее обволакивающих разогретых потоков.

— Привет, Оксана. Затянулась моя рана.

— Привет, — Оксана улыбнулась одними уголками губ, как показалось, немного встревоженно. — Ты чего такой довольный?

— Ну а как же? Как и всякий, кого поймел художественный руководитель нашего замечательного театра, испытываю сложный букет самых разнообразных чувств, среди которых — не скрою — есть место и удовольствию. А ты чего такая красивая?

— Только заметил?

— Да брось ты, я уже который год по тебе сохну. Кристину видела?

— Нет.

— Врешь?

Оксана пожала плечами, откинула за спину толстую реквизитную косу. Я снова почувствовал что-то новое в ее облике, что-то такое, чего в ней не было, когда я видел ее в последний раз, за пару дней до отъезда на Мальту.

— То есть все-таки врешь?

Оксана хотела было что-то сказать, но я сделал быстрый шаг вперед, подойдя к ней вплотную, совсем как тогда, после премьеры моей пьесы, в которой она сыграла главную женскую роль. Не знаю, что со мной в тот момент случилось, постпремьерная эйфория и слепящее счастье не позволяют полностью восстановить события того дня, но только вместо дружеского объятия-поздравления за кулисами я вдруг прижал ее к себе и поцеловал. Она ответила на поцелуй, ее губы оказались требовательными и солоноватыми на вкус, но продолжения не последовало, Оксана оттолкнула меня и ушла, а я...

А я понял наконец, что же нового появилось в ней за те два с половиной месяца, что я ее не видел: разлитое под кожей сладковатое топленое молоко.

Я резко отступил назад, посмотрел на ее растерянное лицо и сказал:

— Гложет меня обида, пожалела мне Оксана либидо.

Поздно вечером, после спектакля ко мне приехала Кристина. Впорхнула в квартиру, стремительно провальсировала по ней, словно позабыла оставить в гримерке свой искрящийся сценический образ. С порога завалила меня вопросами: почему я не отыскал ее сегодня в театре, почему не позвонил (отличный загар, я тоже такой хочу), соскучился ли я по ней, что с моей новой пьесой, поставил ли уже Хуторянский мой спектакль в план... Но я отказался с ней разговаривать. Наотрез. Вместо этого я впился в ее нетерпеливый рот и не позволил ей сказать ни слова, пока не раздел.

Когда все закончилось, дважды закончилось — я совершенно забыл, какой эффект производит на меня поперечный шпагат в исполнении обнаженной балерины, — мы долго лежали обнявшись, и тепло Кристины, густое и вязкое, постепенно расходилось по моему благодарному телу. Начавшийся за три тысячи километров отсюда день потихоньку подбирался к финалу, и прижавшееся ко мне хрупкое и горячее тело Кристины растопило последние воспоминания о происшедшем в кабинете худрука. На сегодня мне оставалось совсем немного — просто заснуть, но именно это у меня не получилось.

— Ник? — Кристина приподнялась на локте, потрепала меня по волосам. — А, Ник?

Я сделал вид, что сплю.

— Ник, что сказал Хутор? Ник?

— Кристин, давай уже завтра, — я все еще лежал с закрытыми глазами, надеясь отсрочить разговор до утра. — У меня сегодня был такой день — длинный-длинный-предлинный...

— Ну почему завтра-то, Ник? Это же самое важное, — Кристина резко отстранилась, встала, и мне

пришлось открыть глаза.

— Ну хорошо, не самое, — поправилась Кристина, поймав мой взгляд. — Но все равно, это нас обоих с тобой касается. Разве нет?

Она принялась расхаживать по комнате, между делом пытаюсь отыскать свои трусы и бюстгальтер, я же смотрел на ее маленькую грудь и безупречные точеные ноги и размышлял о том, как бы побыстрее затащить ее обратно в постель. Так и не найдя белья, Кристина встала прямо передо мной и сложила руки на груди:

— Так что сказал Хутор? Когда запланирована премьера?

— Послушай, Кристин, давно хотел тебя спросит: зачем ты продолжаешь брить лобок? Ты же больше не танцуешь в кордебалете...

Я встретился взглядом с Кристиной и сел на кровати.

— О'кей, о'кей. Мне просто не слишком приятно вспоминать сегодняшний разговор с худруком, только и всего.

— Почему неприятно? Что-то случилось?

— Да нет, ничего. Никто не умер. Я живой, ты живая. Даже Хуторянский — и тот живой. Только вдумайся — ему уже семьдесят лет, а он все как огурчик...

— Ник, что сказал Хутор?

— Хутор сказал: говно.

— В смысле?

— В прямом. Сказал, что пьеса моя новая — говно. И что ставить ее театр не будет.

Кристина присела на краешек кровати.

— Подожди, это он про «Музыку»? Про тот вариант, что ты присылал мне с Мальты?

Я кивнул.

Кристина уставилась куда-то в пол, я терпеливо выждал пару минут, но она так и сидела, не шевелясь.

— Да ладно тебе, Крис, — я осторожно погладил ее по плечу. — Я что-нибудь новое напишу. Еще лучше.

У меня даже название уже есть: «Окалевала. Уфимский эпос». Как тебе?

Кристина повернулась ко мне, в ее глазах стояли слезы.

— Мне смеяться сейчас, да? Это все шуточки, по-твоему?

Она вскочила, размазала слезы по щекам, принялась натягивать на себя джинсы, прямо как была, без белья.

— Эгоист проклятый. Думаешь только о себе. Сначала трахнул меня, а потом про пьесу решил рассказать?

— О как. А я думал, мы оба тут трахались. А оказывается — я один. И знаешь, может это покажется тебе странным, но я тоже расстроен. Это, между прочим, моя пьеса, я над ней три месяца сидел...

— Наша. Наша пьеса, — Кристина всхлипнула, ее пальцы тряслись, она бросила бороться с пуговицами на блузке, подняла на меня заплаканное лицо: — Мне уже двадцать семь скоро. Двадцать семь! А у меня ни одной главной роли, так и сижу на всяких подпевках с подтанцовками. Единственный реальный шанс был с этой пьесой, и то ты умудрился все просрать.

Уже одетая, она сделала еще одну попытку отыскать бюстгальтер и трусы, не отыскала, сердито прошагала через всю квартиру к выходу. Щелкнул замок, Кристина обернулась на пороге, посмотрела на меня с презрением, чуть ли не с брезгливостью:

— И знаешь, Хутор совершенно прав. Пьеса твоя новая — говно.

ОНА

Апрель мужского рода, а весна — женского. Вот и вся разгадка. Он думает, что возьмет ее напором. Думает, что продемонстрирует ей свое аномальное тепло и дело сделано. Как бы не так. Что бы он там про себя ни думал, ей все равно. Она его не хочет. Ни его, ни остальных его одиннадцать братьев. К тому же в этом году апрель слишком уж спешит. Чересчур торопится. А потому вообще рискует закончиться раньше срока. Рискует не дотянуть до мая. Обернуться умиротворяющей утренней изморозью на тротуарах.

Интересно, как так получилось — что ни месяц, все он и он? И только время года — это женщина. Ну разве что кроме лета. Но лично я предпочла бы обойтись без лета. Совсем.

Машина намертво встала в пробке на Тучковом мосту. Аэродинамически выгнутые стальные поверхности, примитивный плиточный орнамент. Если смотреть сверху. В салоне чуть слышно работал климат-контроль, но сегодня этого оказалось недостаточно. Торопливый, словно подросток, апрель все-таки вынудил меня реагировать. Я поставила сумку на колени и достала солнцезащитные очки.

Раньше было проще. Раньше лобовое стекло тоже было тонировано. И я знать не знала всех этих мудаков по именам — апрель, май, июнь... Кому они вообще интересны? Но пару месяцев назад меня остановил патруль ГИБДД. Нарочито суровый, на грани своих полномочий инспектор замерил уровень светопропускания. Затем выписал штраф и принялся скручивать номера с машины. Я стояла рядом и мешала. Альтернативный визуальный центр, безупречные длинные ноги в телесного цвета колготках. Шли минуты, а он все никак не мог попасть отверткой

в нужное место на пластине номерного знака. Наконец я отошла в сторону. Достала телефон и позвонила нашим юристам. И Руслану. После чего вызвала такси. Пусть скручивает. Машина все равно принадлежит бюро, юридический отдел разберется.

Номера мне, конечно, вернули. Но тонировку с лобового стекла пришлось снять. Осталась только узкая полоса сверху. Четырнадцать сантиметров шириной, все по закону. Четырнадцать сантиметров, золотое сечение ГИБДД.

В холле бизнес-центра было прохладно. И здесь совсем не чувствовался апрель. Я с облегчением сняла очки, машинально оценила окружающее меня пространство. Равновесие было сбито. Едва заметно, но все-таки смещено: слишком мало людей в дальнем конце холла, за турникетами. Так всегда бывает, когда с первого этажа только-только ушел лифт.

Поднявшись в бюро, я миновала белую, имитирующую ледяной кристалл стойку со светодиодной подсветкой. Кивнула сидевшей на ресепшен Саше и прошла в приемную.

Вероника была уже на месте. Ожидаемо. Руслана нет, дверь в его кабинет приоткрыта. Тоже ожидаемо. Понедельник не предвещал сюрпризов. Уже неплохо.

Я взяла со стола Вероники список звонивших мне людей. И еще один лист — сегодняшние встречи. И через час, ровно в 11:30 уже сидела в переговорной, отделенной от окружающего пространства тремя стеклянными стенами.

Пять проектов — пять презентаций. Ничего сверхординарного, обычная рутина. Рабочие моменты. Текущее состояние дел. Все проекты были в стадии реализации. Это взлет и посадка требуют ручного управления. Но как только набор высоты завершен, можно включать автопилот. И лишь время от времени

бросать взгляд на показания приборов. Чем я сейчас и занималась.

В самом конце совещания неожиданно возникли проблемы с проектом Ксении. За выходные она внесла изменения в уже утвержденную декоративную схему. И теперь пыталась заручиться одобрением руководства и коллег.

Сидящие внутри стеклянного куба переговорной молча рассматривали отрендеренные изображения апартаментов, над отделкой которых работала Ксения. Стены гостиной лишились воздушной геометрии и строгой прямолинейной перспективы. Они выглядели теперь изогнуто-волнообразными. И к тому же обзавелись растительным орнаментом из удлинённых лепестков. Ещё Ксения что-то сделала с колористической схемой, только я пока не понимала что.

— Ну как? — Ксения обвела присутствующих взглядом победителя, ее глаза светились гордостью.

Все продолжали молчать. Иван, менеджер проекта Ксении, озадаченно потирал шею.

— А можно показать предыдущий вариант? — попросила я. — Тот, что был до этих изменений.

Ксения щелкнула длинным пальцем с матово-красным ногтем по клавиатуре и на двухметровом экране для презентаций возник узнаваемый, геометрически выверенный дизайн R.Bau. Что же она все-таки сделала с цветом?

— Давайте я резюмирую. Главное отличие — параметрические стены и орнамент. Так?

— Ну в общих чертах, да, — кивнула Ксения.

— Во-первых. И это самое простое. Орнамент нужно убрать.

Ксения открыла было рот, но я ее остановила.

— Это будет обсуждаться, только если кто-нибудь из присутствующих сможет сказать, когда в дизайне R.Bau

использовался орнамент. Тем более с такими вот лепестками.

Катя Лайтунен улыбнулась, остальные ведущие дизайнеры и архитекторы покачали головами. Менеджеры проектов, как и полагалось, держали паузу. Концептуальные вопросы дизайна находились вне их компетенции.

— Кроме того, орнамент в данном конкретном случае является еще и грубой стилистической ошибкой. Абстрактный геометрический рисунок, который был использован для пола, делает его активным. Поэтому стены и потолок просто обязаны быть нейтрально-спокойными, что исключает использование орнамента.

Ксения молчала. Было видно, что она лихорадочно пытается выстроить контраргументы.

— Давайте еще раз посмотрим на ваш вариант, — попросила я, и Ксения послушно щелкнула по клавиатуре. — Теперь, если вы мысленно уберете орнамент и вернете на место старую декоративную схему, то сразу увидите, насколько нелепо смотрится здесь эта параметрическая стена.

Наступила пауза. Ксения, а с ней и все остальные сосредоточенно проделывали в уме манипуляции с геометрией пространства.

— Если для вас это слишком сложно, откройте проект в «Тридэмаксе» и проведите эти изменения прямо на экране.

— Мне не сложно, — насупилась Ксения.

— Ну так что? Вы не согласны?

Ксения молча смотрела на экран. Наконец она произнесла:

— С орнаментом все прекрасно работало.

— Я с этим и не спорю. Но про орнамент я вам все уже сказала.

Ксения поджала губы.

— И еще. Мне кажется, здесь еще что-то поменялось. Помещение как будто уменьшилось в размерах, — я в задумчивости вернулась к изображению на экране.

— Цвет, — подала голос Катя Лайтунен, — Ксения изменила колористическую схему.

Катя развернулась к экрану, демонстрируя безупречно ровное каре.

— Изначально холодный голубой цвет Ксения смешала с теплыми бежевыми и желтыми оттенками. А поскольку потолки здесь довольно низкие, использование теплого цвета привело к иллюзии уменьшения пространства.

Люди за столом согласно закивали. Я тоже кивнула, в вопросах цвета я всегда полагалась на своего лучшего дизайнера.

— И вы считаете, что это нормально? — вдруг сказала Ксения.

Присутствующие в переговорной разом притихли.

— Что нормально, Ксюш?

— Никаких экспериментов, никакой новизны, никакой свободы творчества? Ничего свежего?

— Ну орнамент, положим, не является свежим решением уже несколько столетий. А по поводу экспериментов — да, вы совершенно правы. И мне жаль, если вы до сих пор не поняли одну очень простую вещь: бюро не место для экспериментов. Хотите экспериментировать, занимайтесь этим в свободное от работы время, в своих персональных проектах. А у R.Bau есть собственный, выработанный годами стиль. Стиль, который знают. И за которым заказчики, собственно, и приходят в наше бюро. Поэтому моя работа, помимо всего прочего, заключается в том, чтобы по возможности держаться в рамках этого стиля.

Вздрагнул и завибрировал лежащий на столе телефон. Я взглянула на экран и поднялась.

— То есть вы даже мысли не допускаете, что дизайн Руслана Константиновича может устареть? — не унималась Ксения. — Что он может взять и потерять актуальность?

— Хотите обсудить это непосредственно с Русланом Константиновичем? — я продемонстрировала Ксении экран звонящего телефона. — Нет? Я почему-то так и думала.

Мы договорились встретиться в ресторане. Руслан сказал, есть разговор.

Была мысль взять такси. Но в салоне чужого автомобиля сегодня наверняка будет слишком жарко и душно. Плюс неизбежные запахи. Так что я поехала на своей машине. Хоть и пришлось потратить на поиск парковки пятнадцать минут. Зато я в который раз убедилась в неизменности свойств Большого проспекта и окрестностей: продолжительность обеда равна удвоенному времени, потраченному на парковку. Я называю это Петроградской пропорцией.

Парковку я, кстати, так и не нашла. Так что машину пришлось поставить вторым рядом прямо на Большом, напротив ресторана. Если ее начнут эвакуировать, я услышу. Очень уж не хотелось блуждать по узким, перпендикулярным Большому проспекту улицам. Последовательность которых я так и не смогла запомнить, как ни пыталась. Четыре фамилии на букву П: Подрезов, Подковыров, Полозов, Плуталов. И затесавшаяся между ними улица Бармалеева. Думаю, поляков совсем не обязательно было заводить в болото. Их можно было привести на Петроградский остров и здесь бросить.

Руслан сидел на втором этаже, за столиком у несущей стены, в которой зачем-то был пробит окулюс. Место было выбрано специально для меня: сюда совсем не проникало солнце.

Мы поздоровались.

— Отлично выглядишь, — сказал Руслан.

Я улыбнулась: знаю.

Мы заказали напитки. Я — апельсиновый сок со льдом. Руслан — бокал красного вина.

Я достала папку с документами на подпись генеральному директору. И пока Руслан занимался бумагами, сидела и рассматривала его. Все-таки стиль — очень тонкая вещь. Невесомая. И это никакие, конечно, не шмотки. Иначе все было бы слишком просто. Ведь даже вот этот вот светлый, нарочито помятый пиджак на Руслане. Надень его на кого-то другого — и эффект тотчас пропадет.

И вообще Руслан сегодня весь светился. И очень приятно светился. Ровно. Не ослепляя.

Наконец с документами было покончено. Руслан пригубил вина и перешел к делу.

Завтра вечером открытие выставки графического дизайна в галерее его друзей. Будет фуршет, куча приглашенных, Руслан тоже обещал прийти. Еще месяц назад обещал, слово дал.

— Слово дизайнера? — уточнила я.

— Архитектора, — вернул мне усмешку Руслан.

В общем, он обязательно должен быть. Но он не может. Совсем.

— Жанн, выручишь меня, ладно? Нужно, чтобы от нашего бюро кто-то там появился, не хочется Богданова обижать. А тебе он будет только рад. Между прочим, — Руслан наклонился ко мне и заговорщически понизил голос, — он давно уже к тебе неравнодушен, сам мне говорил.

Я вспомнила этого Богданова и усмехнулась. Метр семьдесят, лиловый угреватый нос, живот и жирные волосы. И почти всегда две девицы из службы эскорта. Завидный кавалер.

— А сам-то ты чего? — я с удовольствием допила ставший ледяным сок: риторические вопросы — мой конек.

— Жанн, у меня дела. Срочные. Их нельзя отложить. Никак нельзя, понимаешь?

Я кивнула. И снова улыбнулась. Конечно, я понимаю. За четыре года работы с Русланом я хорошо его изучила. Мне достаточно было мельком взглянуть на его лицо. Он опять влюбился. Чего здесь непонятного? Я посмотрела на его покрытые аккуратной щетиной скулы и подбородок. Встретилась с его просящим выжидающим взглядом. Породистый сильный зверь на задних лапах у моих ног. И вдруг почувствовала что-то вроде укола непонятно откуда взявшейся ревности. Даже непроизвольно выпрямила спину.

— Конечно, Руслан. Не вопрос. Сделай мне пару дополнительных приглашений. И закажи еще сока. Со льдом.

Назавтра пришлось уйти из офиса задолго до окончания рабочего дня. Нужно было заехать домой переодеться к выставке. Сменить строгий офисный костюм на шелковое коктейльное платье. И еще заскочить в салон. Сделать укладку. И маникюр.

Даша с Мариной радостно согласились составить мне компанию. Другого я от них и не ожидала. Они были моим тайным оружием. Навязчивых попыток озабоченных псевдоинтеллектуалов познакомиться все равно было не избежать. Но я предпочитала, чтобы под расслабленные разговоры о тенденциях в современном графическом дизайне они раздевали глазами моих подруг, а не меня. Тем более что те были совсем не против.

Фуршет был похож на десятки других. Богданов лично встречал гостей на входе в галерею. Сегодня

он обошелся всего одной проституткой, зато очень красивой. После короткого разговора с организатором и переданных ему ритуальных извинений от Руслана я прошла по залам. В принципе, неплохо. Идеально белые стены и потолок. Нейтральный пол. Много света — несколько десятков галогеновых спотов. И все это для того, чтобы выделить висящие на стенах черные прямоугольники, на которых и располагались сами работы. Рекламные плакаты. Книжные обложки. Логотипы. Даже несколько вычурных, с трудом читаемых шрифтов. Неплохо, да. Но в целом довольно скучно. Чересчур предсказуемо.

Я поправила на стене пару криво повешенных черных рамок. Сделала замечание официанту за нагревшееся шампанское. Тот попытался меня проигнорировать, и я спросила, как зовут распорядителя. Состоялась короткая бессловесная дуэль — одними глазами. «Сука», — думал, глядя на меня, официант. «Халдей-дегенерат», — ласково парировала я и коснулась локона над правым виском. Официант ушел и через пять минут принес мне бокал прекрасно охлажденного шампанского.

В одном из залов я с удивлением обнаружила стулья Egg. Похожие формой на яичную скорлупу, творения Арне Якобсена нежно-голубого цвета стояли в каждом углу. Очень опрометчивое решение, надо сказать. Потому что на их фоне совершенно не хотелось смотреть на какой-либо графический дизайн. Я подошла к одному из стульев. И попыталась ущипнуть обивку. Но не смогла — стулья были настоящие. А вообще забавно было бы поймать Богданова на китайской реплике. Я наклонилась, коричневый ярлычок тоже был на месте. Republic of Fritz Hansen. Все-таки не зря я сегодня пришла на эту выставку.

Даша с Мариной были нарасхват. У обеих художественное образование. С Мариной я вообще

училась в одной группе в университете. Правда, их работа не имеет никакого отношения к архитектуре и дизайну. А потому подруги используют любую возможность, чтобы «окупиться в среду».

К тому же сегодня они обошлись без самостоятельности в макияже и выглядели почти на пределе своих возможностей: в салоне неплохо знали свое дело. Впрочем, у Марины лицо красивое и само по себе. Чего не скажешь про чересчур вытянутую, по-мальчишески худую фигуру, недостатки которой она так и не научилась скрывать. А вот в то, что привлекательность со склонной к полноте, невысокой Даши снимается всего за пять минут с помощью ватных дисков и лосьона, временами даже мне трудно было поверить.

Подруги мастерски замыкали на себя летящие в мою сторону похотливые взгляды. Сегодня их было как-то особенно много. Весна, наверное. Чертов апрель.

Как всегда, среди приглашенных отыскалось несколько клиентов R.Vau. Дольше всего мне пришлось общаться с Александром Грановским. Полгода назад мы делали ему дизайн двухуровневого пентхауса на Крестовском.

Банковский бизнес Грановского процветал, и на этом основании он всерьез полагал, что является интересным собеседником. Я же смотрела на его непримечательное, слегка вытянутое лицо. Из тех, что забываешь сразу же, как отводишь взгляд в сторону. На короткие жесткие волосы с проблеском рано проступившей седины. И терпеливо ждала подходящего момента.

Наконец к нам подошла улыбающаяся довольная Даша. И я с облегчением сдала ей Грановского. А сама незаметно ретировалась.

Через час мне наскучило наблюдать за подругами и их флиртом. Слишком уж все это предсказуемо. Подогреваемое шампанским гормональное давление.

Недвусмысленные интонации с претензией на что-то большее. Две перпендикулярные прямые всегда пересекаются, тоже мне откровение.

Я ушла в самый дальний зал анфилады. Здесь был приглушен свет, на стенах висело несколько раритетных плакатов. Стояли диван и круглый фуршетный столик с закусками. Я поставила бокал, опустилась на диван. Мягко гудел кондиционер, укутывая мои плечи заботливой прохладой. Я помассировала переносицу. С облегчением откинулась на мягкую спинку. Машинально достала зеркальце: все в порядке.

И тут в помещении появился он.

Без интереса посмотрел на плакаты на стенах. Продемонстрировал аккуратно подстриженный затылок. Безупречный дорогой костюм. Неброские наручные часы. Стоимостью больше, чем такси бизнес-класса, что привезло меня сюда.

Я внутренне подобралась.

Человек повернул голову в мою сторону. Сделал несколько шагов. Еще немного, и я увижу его взгляд. Что бы ни придумывали одноклеточные, в их глазах всегда плещется похоть. Всегда. Пусть даже совсем немного. На самом дне.

Но иногда, очень редко, я вижу вот это. Полностью выключенное нутро. На тебя смотрят, словно ты даже не вещь, нет. Ты трофей, добыча. При этом совершенно неприкасаемая. Для кого-то намного более сильного. Для кого-то могущественного настолько, что ему по карману нанимать таких вот цепных псов. У которых нет своего «я», они умеют его выключать. Абсолютная преданность. Редчайшее в наше время свойство. Я с трудом отвела глаза.

— Жанна Юрьевна? — мужчина остановился напротив меня.

— Допустим.

— Я присяду?

Не дождавшись ответа, человек опустился рядом со мной на диван. Какой все-таки хрупкий этот мир. Нашелся кто-то, кто не посмотрел на твою грудь, и все.

— Меня зовут Станислав. Я надеялся увидеть здесь Руслана Константиновича.

— Вы договаривались о встрече?

— Нет, но я был уверен, что он появится сегодня на выставке. Мне необходимо поговорить с ним об одном деле.

— Деле?

— Да, — сухо отчеканил Станислав. — О заказе.

— О заказе? — я почувствовала разочарование.

— Об одном очень крупном заказе. Который не может его не заинтересовать.

И тут я едва не рассмеялась. Лишь в последний момент остановила поднимающуюся изнутри упругую пузырящуюся волну. Наверное, это шампанское.

— Звоните в бюро, договаривайтесь о встрече, — я поднялась и наконец заставила себя посмотреть на незнакомца.

При взгляде сверху было видно, что волосы на его голове заметно поредели. Невыгодный ракурс. Станислав торопливо встал с дивана. Наверное, был прекрасно об этом осведомлен.

— Я бы позвонил. Но у вас, говорят, лист ожидания на два года вперед, — сказал мужчина и отработанным элегантным движением протянул мне визитку.

— Знаете, люди много чего говорят. И вы совсем не похожи на человека, который верит всему подряд.

Я обворожительно улыбнулась. Два года — это только для тех, кого мы знаем, крутой. А для козлов вроде тебя очередь и через двадцать лет не подойдет. С Русланом ему надо встретиться, молодец какой. Я определенно была разочарована.

Я взглянула на визитку: какой-то Вальдемар Котомин, яхт-клуб в качестве адреса и прямой

городской номер мобильного.

— Вы же сказали, что вы Станислав.

— Это визитка человека, которого я представляю.

— Понятно.

Я повернулась и направилась к выходу. Какой все-таки дискомфорт — знать, что кто-то стоит у тебя за спиной и не смотрит ни на твою попу, ни на ноги. Фу.

В соседнем зале я увидела пьяную Марину, возле которой увивался некрасивый стареющий мужчина в голубом пиджаке. Даши нигде не было видно. Наверное, кто-то ее уже увез. Загадка, которую я пока так и не смогла решить: Марина красивее, но Даша удачливей.

Я попрощалась с Богдановым и вышла из галереи на прохладную вечернюю улицу. Возле входа стояла футуристического вида урна-пепельница из хромированной стали. Я разорвала визитку и выбросила ее в урну.

ОН

В этом году акклиматизация оказалась безболезненной, контраст с Мальтой практически не ощущался, и пусть я все еще не выходил из дома без верхней одежды, накинутая сейчас на плечи куртка не столько грела, сколько служила необязательной страховкой от внезапных перемен в погоде. Вот уже четвертый год подряд я убирался из города — не дожидаясь крещенских морозов — на самые холодные зимние месяцы, но только в этот раз было ощущение, что мне удалось прыгнуть из середины января напрямик в эпицентр лета. Я жадно вдыхал теплый воздух, разбавленный запахом оживающего после спячки города, прикасался ладонями к шершавому камню не прогревшихся еще до конца фасадов. Снова и снова удивлялся интенсивности молодого апрельского солнца, прислушивался — затаив дыхание, чуть ли не поворовски — к движению соков в немногочисленных в этой части города деревьях. Временами мне даже казалось, что я действительно могу ощутить, как поднимается вверх разогретая сладковатая жидкость — от самых корней через ствол к голым ветвям и дальше, к еще не проснувшимся почкам, к упругим зародышам клейкой листвы.

После разговора с художественным руководителем театра прошло три дня, а мое самолюбие так и не залечило до конца порезы и ссадины. Наоборот — мне постоянно открывались все новые и новые последствия, как будто чертов кристалл моего фиаско бешено вращался в лучах закатившейся славы, отражаясь во мне неведомыми доселе гранями. Кристина мне больше не звонила и даже хуже — перестала отвечать на сообщения. Так что привезенный для нее с Мальты подарок — небольшая ваза из дымчатого синего стекла,

возвращенная мне авиакомпанией вместе с остальным багажом, пылилась теперь на письменном столе грустным памятником ушедшей в ночь балерине. Туда же рисковала отправиться и моя кредитная история: невыплаченный гонорар за пьесу обрушил мои акции и долговые расписки, и если бы не Гриша, мне наверняка пришлось бы пойти по миру, читай — просить денег у родителей. Нет, глобально все было не так уж и плохо, в перспективе я был богат, оглушительно богат; моя заявка на телесериал — восемь сорокаминутных серий — проходила сейчас последние согласования в продюсерской компании. Плюс мне что-то полагалось за первую пьесу, она все еще шла в театре, хоть и довольно редко. Но вот прямо сейчас мне пришлось звонить Грише и вновь обманывать его ожидания, как, впрочем, и не оправдывать свои: он думал, я верну ему деньги, я же рассчитывал залезть в братскую долговую яму еще глубже, но ничему этому не суждено было сбыться. Гриша не получил от меня ни рубля, но и я не увидел от него ни копейки — все, на что он согласился, это сделать минимальный платеж по моей обнуленной пребыванием на Мальте кредитке, а вместо денег в долг брат предложил мне работу.

«Один мой приятель», — сказал Гриша. Это, кстати, самая частая фраза, которую он произносит: у меня есть знакомый, один мой приятель, мне тут один человек говорил. В общем, у него есть знакомый, инженер в компании «Цельсиус», и там только что открылась вакансия. «Компания занимается поставками отопительного оборудования, — сказал Гриша и, увидев выражение моего лица, уточнил: — Но вакансия у них в отделе продаж». Типа слишком кисло? Ну тогда давай поперчим. «Это быстрые деньги, что ты так на меня смотришь? Прямые продажи. Тебе дают список контактов, ты его обзваниваешь, назначаешь встречи и заключаешь контракты. Потом забираешь свои три

процента с оборота, и все. И не волнуйся, никто не пытается обманом заставить тебя работать по специальности, хотя отец был бы счастлив».

Отец, отец... Мне захотелось встать и уйти. Но я остался, решив проявить свою принципиальность как-нибудь в другой раз и где-нибудь в другом месте.

«А то, что у тебя опыта продаж нет, — фигня, — продолжал Гриша. — Зато есть профильное для компании “Цельсиус” образование. И опыт на телефоне в кол-центре. Так что ты просто идеальный кандидат. Я б тебя взял». Я посмотрел на Гришу, на его безупречный костюм топ-менеджера энергетической компании, на свое вполне узнаваемое, хоть и генетически преломленное в брате лицо и сказал спасибо. Он действительно несколько раз пытался меня «взять», устроить непутевого брата к себе в контору, но с годами у меня развилось почти волчье чутье на сепаратные семейные сговоры за моей спиной. Так что брат оставил эти свои попытки, по крайней мере на какое-то время, и за это я тоже был ему благодарен.

Собеседование было назначено на три часа дня.

Петроградская сторона, петляя и путаясь, шаг за шагом подводила меня к одному из своих бизнес-центров, исподволь обращая беглого мальтийского солнцепоклонника в ортодоксального патриота лучшего города на Земле. Наконец я увидел нужное мне здание — облицованный белой плиткой фасад, из углов которого выпирала бликующая на солнце стеклянная коробка, словно отделочный материал закончился в самый неподходящий момент, а денег на новую партию так и не нашли — смешно, если все так и было на самом деле.

Я вошел в вестибюль, получил временный пропуск и, пройдя через турникеты, оказался среди ожидающих лифта работников офисного труда. Низкие и высокие,

толстые и худые, молодые и пожившие — все это словно было стерто с людей безжалостным корпоративным ластиком. А дресс-код завершал тоскливую картину, лишая офисных невольников остатков индивидуальности и свободы.

Отличное начало, ничего не скажешь — я даже не добрался еще до компании «Цельсиус», а меня уже ощутимо подташнивало: только сейчас, оказавшись внутри бизнес-центра, я вдруг с тоской осознал, на что собираюсь подписаться. Наверное, следовало поискать какие-то альтернативные варианты, но как-то они не особо просматривались, вернее — не просматривались вообще, так что мне оставалось только надеяться, что это действительно «быстрые деньги», как обещал Гриша. В конце концов, подумалось мне, в отличие от окружающих меня пиджаков, жакетов и юбок меня здесь ничего не держит, совсем ничего, и, если захочу, я могу уйти отсюда в любой момент. Даже прямо сейчас могу — мне нужно всего лишь развернуться, миновать просторный, красиво подсвеченный вестибюль и шагнуть в опьяневший от солнца и избытка градусов Цельсия апрель. Эта мысль неожиданно меня успокоила, я перестал крутить головой и прислушиваться к отдающим мертвечиной канцелярита обмылкам окружающих меня разговоров.

Наконец приехал лифт, послышалась негромкая мелодичная трель, и в этот момент резко, без предупреждения распахнулась дверь в обморочный, хрустящий снегом январь. Нечеловеческий, невозможный холод коснулся моего лица, проник в меня сквозь одежду, дыхание оборвалось на полувдохе, заныли шея и плечи: *она* вышла из лифта прямо на меня. От всего огромного разноцветного мира в один миг осталось только лицо приближающейся ко мне девушки: безупречная белая кожа высоких скул и лба, холодные сине-зеленые глаза, плотно сжатые

губы и взгляд — вымораживающий до самого дна и при этом смутно знакомый. Я так и не понял, каким образом мы не столкнулись, — она просто оказалась позади меня, словно бестелесный морозный призрак, и я, не отдавая себе отчета, механически, как истукан, повернулся и посмотрел ей вслед — вощенные матовые икры длинных ног, изгиб бедер под темно-синей юбкой, подчеркнутая пиджаком талия, светлые волосы, шея... Господи — шея!

Спустя двадцать минут я сидел в офисе «Цельсиуса», в глухой, без единого окна переговорной комнате, напротив перебирающей какие-то бумажки комиссии. Большую часть этих двадцати минут я провел в мужском туалете, то отогревая окоченевшие ладони под теплой водой, то окуная их в гудящий реактивный поток горячего воздуха из электросушилки. Так что сейчас мои покрасневшие кисти ощутимо саднило, но по крайней мере я избавился от онемения во всем теле — обычной реакции моего организма на внезапное и чересчур быстрое переохлаждение.

В комиссии было три человека, вернее два с половиной — невнятная брюнетка, представившаяся руководителем отдела маркетинга, была задвинута в дальний угол. Главными же здесь были Валерия Леонидовна, красиво стареющая директор по персоналу с замысловатой конусообразной конструкцией из волос, и собственно руководитель отдела продаж, назвавшийся Борисом Сергеевичем, — худой нервный мужчина под пятьдесят с преувеличенно длинными, словно бы ходульными, конечностями. Именно он вчитывался сейчас в мое резюме с таким видом, словно был очень близок к тому, чтобы понять наконец, в чем же здесь подвох.

— Ну хорошо, э-э-э... — Борис Сергеевич скосил глаза в бумаги на столе, — Никита. Давайте начнем. Почему

мы? Почему вы? Почему мы должны взять именно вас? У вас три минуты.

Я посмотрел на худое и узкое, изможденное продажами лицо Бориса Сергеевича, встретился с чересчур пристальным взглядом директора по персоналу, затем повернулся назад и внимательно осмотрел стену переговорной у себя за спиной.

— В чем дело? — повысил голос Борис Сергеевич.

— Не, ни в чем. Извините. Просто я подумал — может, вы здесь сериал снимаете? Где-то я все это уже слышал.

Валерия Леонидовна рассмеялась.

— Шутим, значит? Ну-ну. Не слишком удачная линия поведения на собеседовании, — Борис Сергеевич взял со стола лист бумаги. — Хотя, судя по резюме, клоуном вы как раз не работали. Зато работали осветителем в театре, курьером, барменом, доставщиком пиццы, ночным продавцом, сотрудником кол-центра. Что-нибудь еще?

Я скорбно покачал головой: увы.

— Никита, — Валерия Леонидовна перехватила инициативу, ее голос оказался вкрадчивым и бархатистым, — Борис Сергеевич просто хочет понять, сможете ли вы справиться с работой в отделе продаж. Сегодня у нас еще пять кандидатов. И завтра семь. Так что вам нужно постараться нас убедить. Представьте, что мы ваши клиенты, которым вы должны что-нибудь продать.

— Что продать?

— Ну для начала — самого себя.

Я кивнул, взял лежащую рядом куртку, отыскал во внутреннем кармане синюю книжечку политеховского диплома и передал ее Борису Сергеевичу. Высшее образование по специальности «теплотехника» заставило того нахмуриться и еще раз перечитать мое резюме — клоуном я не работал, это он уже выяснил,